

УДК 1(91)+16

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛОГИКИ

Шиян А.А.

В статье исследуется проблема обоснования логики в феноменологии Э. Гуссерля. В сравнительном анализе идей, высказанных Гуссерлем в работах «Логические исследования» и «Опыт и суждение», подчеркивается особенность эволюции феноменологического подхода к предмету логики. В статье подчеркивается, что феноменологическая разработка проблематики суждения, опирающаяся на восприятие как опыт предданности предмета, содержит ряд критически не отслеживаемых Гуссерлем допущений. Среди них автор выделяет и анализирует предпосылку, согласно которой предметность рассудка продуцируется в особых актах категориального созерцания бессознательно, что делает невозможным обоснование, ссылающееся на опыт. Автор приходит к выводу, что предпринятый Гуссерлем феноменологический анализ восприятия как основы суждения является одним из возможных вариантов описания опыта восприятия, который помещается в контекст решения конкретной задачи обоснования логики.

Ключевые слова: феноменология, основания логики, восприятие, общее понятие, суждение, предикативное суждение

Феноменология как философское направление началась с выхода в свет «Логических исследований» Гуссерля в 1900-1901 годах. Именно проблема обоснования логики побудила Гуссерля к исследованию сознания и человеческой субъективности. Однако полномасштабного и законченного обоснования логики в «Логических исследованиях» мы не найдем. В этом отношении они носят, скорее, фрагментарный характер, представляют собой исследования лишь некоторых аспектов логического и выдвигают тезис о необходимости изучения сознания, в котором нам даны логические суждения. Здесь хотелось бы обратить внимание на гуссерлевский подход к образованию общих понятий, представленный во втором и третьем Логических исследованиях. По Гуссерлю, сущности, к которым относятся общие понятия, усматриваются в особом типа интуиции – сущностной интуиции, которая надстраивается над чувственным восприятием. Например, чтобы усмотреть сущность красного, нам должен быть дан в восприятии какой-либо красный предмет.

Однако в логических суждениях встречаются не только общие понятия, но и связки: или, и, но, есть и т. д. Отчего в окружающем мире мы должны

отталкивается, что мы смогли их усмотреть и использовать в суждениях? Предварительные размышления на эту тему мы можем найти в шестом Логическом исследовании. Однако более детальным обсуждением природы логических суждений во всей ее полноте Гуссерль занимается в более поздний период творчества. Особый интерес в этом отношении представляет его работа «Опыт и суждение», опубликованная Лангребе уже после смерти автора.

В «Опыте и суждении» Гуссерль утверждает, что в центре логики стоит учение о предикативном суждении¹. И, если обращать внимание не только на форму суждения, но также и на его содержание, то необходимо признать, что каждое суждение имеет свой предмет, о котором оно нечто высказывает. Гуссерль замечает, что предметы должны быть нам предданны таким образом, чтобы мы могли вынести о них очевидное суждение [2, с. 11]. То есть, предметы должны быть нам предданы с очевидностью. Далее Гуссерль делает интересное замечание, что очевидность в широком смысле и есть опыт данности предметов, к которому принадлежит, прежде всего, восприятие. Тот факт, что предикативное суждение изначально относится к опыту предданности предметов, для Гуссерля означает, что мы должны направить свое внимание на изучение опыта этой предданности, то есть опыта восприятия.

Прежде чем ответить на вопрос, как конкретно соотносятся восприятие и предикативное суждение, необходимо прояснить, что понимает Гуссерль под суждением. Смысл этого понятия Гуссерлем постоянно уточнялся и в поздний период получил новую конкретизацию. Это принципиальный для Гуссерля вопрос, поскольку речь идет о понимании сознания и классификации его переживаний. Следуя Brentano, Гуссерль полагает интенциональность основным признаком сознания (психических феноменов, на языке Brentano), однако отказывается однозначно принимать Brentановскую классификацию переживаний сознания на представления, суждения и эмоции. В «Логических исследованиях» Гуссерль критикует тезис Brentano о том, что «каждое интенциональное переживание или само есть (простое) представление, или имеет представление в качестве основы» [1, с. 417], главным образом, за непроясненность понятия представления. В результате долгих критических размышлений [см. 1, §§ 41–43]. Гуссерль приходит к необходимости заменить этот тезис на положение, согласно которому каждое интенциональное переживание или само является объективирующим актом, или основано на нем. Переживание сознания принадлежит к классу объективирующих актов в том случае, если оно может, сохраняя ту же материю, иметь противоположный характер бытийного полагания.

В «Опыте и суждении» тема объективирующих актов получает дальнейшее развитие. Гуссерль теперь утверждает, что любой объективирующий акт есть акт суждения [2, с. 63]. Отличительным признаком суждения выступает уже не категориальная структура акта созерцания, а наличие сознательной активности. Активность, конечно, может быть различной, и в соответствии с ее типом Гуссерль

---

¹ В современной русскоязычной логической терминологии – атрибутивное или категорическое суждение.

различает предикативные и непредикативные суждения. Первые – это суждения в обычном смысле, например, типа «S есть P», ко вторым относятся восприятия вещей. В случае восприятия речь идет об активности низшего типа – внимании. «Уже при каждом допредикативном повороте к сущему нужно говорить о суждении в широком смысле», – пишет Гуссерль [2, с. 63].

Расширение понятия суждения в «Опыте и суждении» путем включения в него объективирующих актов подчеркивает, что сознанию присуща активность в разной степени. Весьма существенное различие, которое Гуссерль проводит внутри этого расширенного класса суждений. Речь идет о различении допредикативного опыта и предикативного познания. Это различие Д. Ломар назвал основным различием «Опыта и суждения» [3, с. 252]. К допредикативному опыту относится восприятие вещей, или чувственное восприятие, как его иногда называет Гуссерль. Под предикативным опытом познания понимается, прежде всего, логически артикулированное суждение. Обратим внимание на то, что исследования сознания в «Логических исследованиях» являются, по сути, исследованиями познающего сознания, на что указывает в первую очередь подзаголовок II тома этой работы «Исследования по феноменологии и теории познания». Введенные Гуссерлем в V исследовании объективирующие акты не исследуются, но лишь являются трамплином для рассмотрения теоретико-познавательной проблематики в VI Исследовании: для введения феноменологически обоснованных понятий истины и лжи и для анализа категориальных синтезов.

Остановимся подробнее на различии предикативных и непредикативных суждений. Гуссерль подчеркивает, что субъективным смыслом допредикативного опыта является «обыденное обладание», «обыденное знание», «обыденное умение» [2, с. 137]. Осознанное стремление к достижению истинности, к предикации, к экспликации – характеристика познавательного интереса. Именно выраженность нашего знания в языке дает возможность вернуться к нему в любой момент. Это свойство предикативного познания Гуссерль называет «наличным обладанием» (*verfügbarer Besitz*) и отличает его от «обыденного обладания» (*habituelle Besitz*), которое приобретает в результате чувственного восприятия, и к которому мы не можем обратиться в любой момент по нашему желанию. Одно из важнейших отличий касается предметности сознания: в ходе восприятия конституируются чувственные вещи окружающего мира, а в предикативных суждениях – особого рода предметности рассудка: связки, общие понятия и т. д.

Допредикативный опыт восприятия, однако, сам не присутствует в нашей жизни в явном виде. В обыденной жизни мы редко смотрим просто так, «из интереса» на предметы. Но это не означает, что опыт простого восприятия является теоретическим конструктом, он, скорее, является базовым опытом, так как присутствует в любом другом виде опыта. Но, чтобы его выделить, нужно абстрагироваться от всех других типов опыта (практического, этического, теоретического) и от всех повседневных контекстов, или, выражаясь феноменологически, совершить редукцию.

Именно на этом допредикативном опыте восприятия и базируются предикативные суждения. Рассмотрим общую схему образования категориальных

суждений на примере суждения «Стол – зеленый» (а есть В). Сначала мы воспринимаем стол, потом обращаем внимание на его особенности – цвете, затем совершаем так называемые синтезы совпадения, т. е. накладываем зеленый цвет на целостное восприятие стола. Эти синтезы совпадения могут так и остаться допредикативными, а возможен вариант, когда над ними надстраивается особый акт – категориальное созерцание, в результате которого и образуется суждение «Стол – зеленый». Однако однозначный ответ на вопрос, как происходит категориальное созерцание, в текстах Гуссерля найти нельзя. В разные периоды своего творчества он склонялся к различному пониманию механизма основания категориального опыта в опыте восприятия. Этот вопрос тесно связан с общими принципами понимания функционирования сознания и онтологическими предпосылками. В «VI Логическом исследовании» Гуссерль скорее склонялся к тому, что категориальное суждение – это рефлексивный акт, который «всматривается» в то, что уже дано в чувственных синтезах простого восприятия. Это означает, что категориальная идеальная предметность существует независимо от нашего сознания и дается нам уже в простом восприятии, просто мы этого не замечаем. Но проявляется она только в актах предикативного суждения, причем этот своеобразный рефлексивный акт протекает неосознанно, не тематически.

В отличие от этого, в «Опыте и суждении» Гуссерль утверждает, что предметность категориального суждения (которую здесь он называется предметностью рассудка) принципиально отличается от предметности восприятия. То, о чем говорится в суждении – продуцируется нашим сознанием. В творческой спонтанности производится новый тип предметности. Это – ключевой момент для понимания гуссерлевского отношения к логическому в поздний период: в отличие от вещей, предметности суждения не существуют в окружающем мире, они продукт деятельности сознания. Именно поэтому Гуссерль говорит о действии познания, хотя это действие и отличается от практического действия [2, с. 235]. В рецептивности (то есть в чувственном восприятии) взгляд может оценить только больше / меньше, при этом речь не идет ни о каком высказывании положении дел.

Интересно заметить, что сам Гуссерль не подает тезис о деятельной природе предметности рассудка как новое слово в феноменологии, кардинально ее меняющее. Скорее наоборот, Гуссерль пытается вписать этот тезис в общий контекст предыдущих рассуждений. Так, он использует и для восприятия вещей, и для продуцирования предметностей рассудка один и тот же термин «конституирование». Здесь еще нет ничего неожиданного, термин конституирование может относиться к любому акту сознания. Гораздо неожиданней другое: Гуссерль иногда говорит о «производстве» предметов восприятия и о «преданности» предметностей рассудка. Так, он пишет о предметности рассудка: «Она не предконституируется в чистой пассивности, но предконституируется <...> в предикативной спонтанности. Способом ее изначальной преданности является ее производство в предикативном действии Я, как в спонтанной деятельности» [2, с. 300]. А в сравнительном рассмотрении восприятия он переходит на язык, которым ранее описывал производство логической предметности: «то, что Я в своем действии производит, есть лишь представление о предмете, но не сам предмет» [2,

с. 301]. Таким образом, Гуссерль совмещает, казалось бы, несовместимые вещи, когда пытается показать, что акты предикативных и непредикативных суждений суть конкретизация общих свойств сознания – обладать предданностью, иметь, «производить» предметность (в широком смысле).

Еще на одну особенность предметностей рассудка Гуссерль указывает посредством различения нескольких пониманий времени. В отношении вещей окружающего мира мы можем говорить об объективном времени, в котором они воспринимаются нами в естественной установке. Время, в котором происходит конституирование вещей в сознании, получает название внутреннего сознания времени. Не останавливаясь на особенностях временного конституирования, отметим, что закономерности внутреннего сознания времени не имеют никакого отношения к предметностям рассудка, они в нем не конституируются. Но они не существуют и в объективном времени, так как следование событий и вещей в объективном времени делало бы их (наряду с пространственными следованиями) индивидуальными вещами или событиями, а предикативные суждения лишены всего индивидуального, они существуют всегда и для всех, в любом времени и в любом месте. Их временную форму Гуссерль обозначает как «всевременность». Обратим внимание, что всевременность – это не то же самое, что истинность на все времена: суждение «Этот стол – желтый» после того, как стол перекрасили, может стать ложным, но оно все равно останется всевременным.

Остановимся на этом подробнее. Речь идет о том, что предметность рассудка, по Гуссерлю, это особый род идеальной предметности, наряду, например, с моральными и эстетическими ценностями. Однако эта идеальная предметность не имеет ничего общего с «миром платоновских идей». Хотя упрек в платонизме Гуссерль неоднократно получал после выхода I тома «Логических исследований», в котором он написал, что логические законы существуют, независимо от того, кто их воспринимает: люди, звери или боги. Кроме того, анализируя, как Гуссерль говорит о видовой предметности, можно заключить, что идеальная предметность существует независимо от сознания, так же как и предметы материального мира. Так, он пишет, что и те, и другие предметы «с ясностью выступают для нас в сознании», говорит об актах, в которых «мы полагаем видовое» [1, с. 101] и т. д. «Опыт и суждение» позволяет уточнить статус существования логических законов, а если быть точнее, то статус их не-существования, поскольку для Гуссерля изначально существует только мир вещей и сознание. В отличие от них, логические законы являются продуктом деятельности сознания. Мы имеем дело с одними и теми же логическими законами не потому, что мы их каждый раз заново усматриваем их в сущностном созерцании, а потому, что наш разум с особенностями его восприятия устроен так, что с неизбежностью приводит к этим законам. Тогда безвременность логического переходит во всевременность. Эта мысль, высказанная Элизабет Штрёкер в «Трансцендентальной феноменологии Гуссерля» [5, с. 184], на наш взгляд, безусловно, вытекает из текста «Опыта и суждения».

Эта картина мира окончательно проясняется Гуссерлем (благодаря многим усилиям, в том числе и терминологическим) только в поздний период. Но она, хоть

и является несколько неожиданной², может считаться конкретизацией ранней позиции Гуссерля, выраженной им в «Логических исследованиях». Да, логические законы существуют объективно, но особым образом. Но более странным кажется другое: тот факт, что предметность рассудка продуцируется в особых актах категориального созерцания бессознательно, то есть незаметно для нас, невозможно обосновать, ссылаясь на опыт. В это можно либо верить, либо нет. Например, так же легко можно принять, что логические законы существуют в виде вечных идей, и мы можем их интеллектуально созерцать. А это означает, что тезис о производстве категориальной предметности является предпосылкой Гуссерля, которая им не маркируется в качестве предпосылки. Это противоречит принципу феноменологии: конечно, редукция не может позволить нам избавиться от всех предпосылок, но мы должны хотя бы их называть. Кроме того, в этом вопросе хотелось бы дополнить Гуссерля в следующем. Не вдаваясь в рассуждения о происхождении логических суждений, интересно было бы выявить условия и предпосылки, при которых они могут существовать и функционировать. И эта задача представляется вполне феноменологической.

Мы не можем оценить гуссерлевские размышления о производстве категориальной предметности с точки зрения их соответствия опыту – одному из основных принципов феноменологии, но у нас есть реальный опыт восприятия вещей окружающего мира, поэтому его дескрипция в «Опыте и суждении» представляет особый интерес. Гуссерль стремится к беспредпосылочному исследованию опыта сознания, которое может быть осуществлено только после сознательного отказа от всех предпосылок, то есть после осуществления редукции. Конечно, феноменология – это не позитивизм, и не о каком «чистом», свободном от предпосылок опыте речь не идет. Но смысл редукции состоит в том, чтобы те предпосылки, которые не могут быть отброшены, были названы. С этим солидарен Гуссерль и многие его последователи (Финк, Шпет, Штрёкер и т. д.). Однако, как замечает Финк в своей знаменитой статье «Оперативные понятия феноменологии Гуссерля», ни один мыслитель не может сам назвать все свои предпосылки, это дело его исследователей и последователей.

Далее мы попытаемся выявить предпосылки Гуссерля при описании опыта восприятия в «Опыте и суждении». При чтении этой работы складывается впечатление, что Гуссерль сам иногда забывал о невозможности редукции всех предпосылок и был убежден, что действительно описывает опыт восприятия так, как тот реально протекает. И основания для такого заблуждения есть. В ранний период творчества (в «Логических исследованиях», в «Вещи и пространстве») описание реального опыта (конечно, тоже с определенной позиции) сочеталось у Гуссерля с явным моделированием и конструированием этого опыта (Гуссерль,

---

² То, что сознание у Гуссерля само производит предметность, пусть даже и категориальную, конечно, противоречит основе феноменологического подхода: иметь дело с данностью мира, исследовать то, что есть. Возможно, именно это является причиной, по которой некоторые современные исследователи, говоря об идеальной предметности у Гуссерля, предпочитают оставаться в рамках неопределенности в отношении статуса существования идеальных объектов.

например, часто использовал модель «чистые ощущения – одушевляющий акт схватывания»). Тогда как в «Опыте и суждении» следы моделирования почти исчезают: модель «ощущения – схватывание» лишь дважды мимоходом упоминается в нем, не играя при этом никакой существенной роли. Поэтому мы не будем на ней останавливаться, наша задача – выявить, какие предпосылки принимает Гуссерль в «Опыте и суждении», описывая реальный опыт восприятия.

Сначала обратимся к предпосылкам описания опыта восприятия в «Логических исследованиях». Проблема восприятия вещи отнюдь не является точкой исходного интереса раннего Гуссерля, в центре внимания II тома «Логических исследований» – природа логического, отправной же точкой исследования являются понятия выражения и знака. Т. е. мир для «раннего» Гуссерля изначально – это не мир вещей и их свойств, а, скорее, мир выражений и знаков. Это наложило свой отпечаток на гуссерлевское понимание восприятия в «Логических исследованиях». По мнению Ранга, к которому мы присоединяемся, «ранний» Гуссерль реализует так называемую «апперцептивную модель восприятия» [4, s. 126–127]. Эту модель также можно назвать знаковой моделью, так в §21 «Логических исследований» Гуссерль сам пишет о знаково-семантическом толковании восприятия. Воспринимающее сознание, в отличие от знакового, рассматривает ощущения как знаки для самого предмета: мы ощущаем отдельные свойства, которые являются знаками предметов и которые должны им соответствовать. В этом случае, как показывает Ранг, Гуссерль оказывается в плену теории отражения (или теории знак / образ), которую сам же критикует и с которой борется. Для нас здесь важно не то, что гуссерлевская модель напоминает модель отражения, а то, что при описании (но уже не моделировании) опыта восприятия у Гуссерля еще остаются знаково-семантические предпосылки. Так, оттенки и перспективы для Гуссерля также являются знаками самого предмета, на что обращает внимание Ранг в [4, s. 131]. По Гуссерлю, предмет конституируется шаг за шагом из содержания актов сознания – перспективистского явления вещи, например, ее передней стенки – и из сигнификативно подразумеваемого предмета. Т. е., Гуссерль здесь действует вполне в рамках кантовского подхода: чтобы воспринимать предмет, нужно уже иметь понятия, характеризующие этот предмет. Только в отличие от Канта, понятие у Гуссерля имеет знаковую природу. Наличие слов-знаков и является предпосылкой, которая обеспечивает восприятие вещей.

Описание восприятия в «Опыте и суждении», по нашему мнению, отличается от подхода к восприятию вещи у раннего Гуссерля. Хотя, на первый взгляд, кажется, что речь идет об одном и том же: описании восприятия отдельного предмета, в ходе которого Гуссерль пытается, в частности, ответить на вопрос, почему, видя лишь переднюю стенку предмета, мы обычно сразу же понимаем, что это за предмет. Однако, несколько меняется исходная установка понимания самого процесса восприятия и, соответственно, решения его проблем. Как было отмечено выше, Гуссерль, фактически, отказывается от моделирования процесса восприятия и стремится к адекватному описанию реального опыта восприятия. Так, описывая то, что предшествует восприятию конкретных вещей окружающего мира, он не обращается к схеме «ощущение – схватывание», а пишет об изначально неясном

поле восприятия, из которого выделяются отдельные вещи. Преданностью теперь выступает «сущий мир вещей», на который мы раньше не обращали внимания. Область преданности не является предметным полем³, но не является и хаосом чистых ощущений: она представляет собой область сгруппированных чувственных данных – запахов, звуков, цветов и т. д. И это поле не является гомогенным, чувственные данные сгруппированы определенным образом по одинаковости и похожести. Гуссерль приводит примеры, которые проясняют его мысль: красные пятна, белые пятна поверхности и т. д. Эти выделенные единичности образуются с помощью ассоциаций, которые функционируют по принципу «нечто напоминает нечто».

Еще один важный момент, которым характеризуется в «Опыте и суждении» гуссерлевский подход к восприятию, заключается в том, что наше изначальное схватывание предметов, даже в их неясных очертаниях, определяется нашим прошлым опытом. Гуссерль использует здесь понятие типического схватывания, которое имеет принципиально неязыковой характер. Я воспринимаю предмет как стол потому, что в своем опыте я уже имел дело со столами и данный предмет отношу к типу столов.

В «Опыте и суждении» одной из предпосылок подхода к восприятию является структурирование Гуссерлем опыта протекания восприятия по образцу логического суждения. Сначала мы схватываем предмет (субъект), затем обращаем внимание на его отдельные особенности (предикаты) или на соседние предметы (дизъюнкция или конъюнкция). Мы не считаем, что это является конструированием опыта – иногда именно так восприятие и протекает. Но это всего лишь один из возможных вариантов описания опыта восприятия, который соответствует конкретной задаче: прояснению логических суждений.

В заключении хотелось бы отметить, что, несмотря на важное место проблемы восприятия в творчестве Гуссерля, его подход к описанию опыта восприятия во многом определялся общефилософскими задачами и установками, разделяемыми им в данный момент и далеко не всегда им осознаваемыми.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. I. Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В. И. Молчанова. – М., 2011. – 565 с.
2. Husserl E. Erfahrung und Urteil. – Hamburg, 1999. – 492 s.
3. Lohmar D. Erfahrung und kategoriales Denken. Hume, Kant und Husserl über vorprädikative Erfahrung und prädikative Erkenntnis. – Dordrecht – Boston – London, 1998. – 305 s.
4. Rang B. Repräsentation und Selbstgegebenheit. Die Aporie der Phänomenologie der Wahrnehmung in den Frühschriften Husserl // Phänomenologische Forschung, Freiburg – München, 1975. – S. 378 – 397
5. Ströker E. Husserls transzendente Phänomenologie. Frankfurt am Main, 1987. – 255 s.

---

³ Гуссерль также утверждает, что в точном смысле слова предметом является лишь предмет предикативного суждения, то есть предмет оформляется только в ходе категориальных синтезов. Но этого строгого различения в терминологии Гуссерль, как правило, не придерживается.

Shiyan A.A. Phenomenological Justification of Logic // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 172-180.

The article investigates the problem of justifying the logic in Husserl's phenomenology. It is accentuated, by means of comparative analysis of the ideas expressed in the works of Husserl "Logical Investigations" and "Experience and judgment", the specifics of the evolution of the phenomenological approach to the subject of logic. It is also emphasizes that the elaboration of phenomenological problematics on judgment, based on the perception as on the experience for pre-reality to the object contains a number of assumptions being not tracked by Husserl. Among them, the author identifies and analyzes the premise that objectivity of mind is produced by special acts of categorical contemplation unconsciously, making it impossible to justify referring to the experience. The author concludes that Husserl's phenomenological analysis of perception as a basis for judgment is one of the variant of how to describe the experience of perception, which is placed in the context of the specific task of justifying the logic. At the same time it is stressed that despite the problems of perception occupy important place in in the Husserl's phenomenology, his approach to the description of the experience of perception is largely determined by general philosophical goals and attitudes which are accepted at the moment and which are not always perceived by him/

Keywords: phenomenology, the grounds of logic, perception, general concept, judgment, predicative judgment

References

1. Husserl E. Logical Investigations. V. II. Part I. Investigations in phenomenology and gnoseology / Transl. by V. I. Moltchanov. – M.: Akademicheskiy proekt, 2011. – 565 p.
2. Husserl E. Experience and Judgment. – Hamburg, 1999. – 492 p.
3. Lohmar D. Experience and Categorical Thinking. Hume, Kant and Husserl on prepredicative experience and predictive understanding. – Dordrecht – Boston – London, 1998. – 305 p.
4. Rang B. Representation and Self-Givenness. The Aporia of Phenomenology of Perception in the Early Husserl 's Writings // Phenomenological Research. – Freiburg – München, 1975. – P. 378 – 397
5. Ströker E. Husserl's Transcendental Phenomenology. – Frankfurt am Main, 1987. – 255 p.